

Об исторической взаимосвязи парламентской и гуманитарной дипломатии

Е.С. ГРОМОГЛАСОВА¹

Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Россия)

Аннотация

В статье проанализированы подходы к определению парламентской и гуманитарной разновидностей дипломатического сотрудничества. Показано, что институционализированное межпарламентское сотрудничество начинает развиваться с последней четверти XIX в., в то время как примеры влияния парламентариев на внешнеполитический процесс в своих странах можно проследить еще ранее, по меньшей мере, со времен Великой французской революции. Выявлено, что ранние формы воздействия парламентариев на выработку внешней политики своих стран опирались на гуманистические аргументы и апеллировали к чувству гуманности. Гуманитарная направленность зарождающейся парламентской дипломатии последней трети XIX в. объяснена факторами развития средств массовой информации и роста влияния общественного мнения на внутреннюю и внешнюю политику европейских национальных государств. На примере истории учреждения Международного комитета Красного Креста и Межпарламентского союза раскрыто сходство первоначальных организационных форм парламентской и гуманитарной дипломатии. И та, и другая разновидности дипломатического взаимодействия учреждались на многосторонних конференциях. Заключительный раздел статьи посвящен рассмотрению истоков российской парламентской и гуманитарной дипломатии. Показано, что Россия играла активную роль в развитии этих форм дипломатического взаимодействия. В целом, сделаны выводы о целесообразности учета акторного и организационного измерений при определении понятия парламентской дипломатии, существенном влиянии парламентской дипломатии как дипломатии многосторонних конференций на развитие сотрудничества государств в XX в., структурной и исторической обусловленности тематического сходства межпарламентского сотрудничества и гуманитарной дипломатии.

Ключевые слова

парламентская дипломатия, гуманитарная дипломатия, Международный комитет Красного Креста, Межпарламентский союз, Россия

¹ **Громогласова Елизавета Сергеевна** – к.полит.н., помощник депутата Государственной Думы, Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 103265, г. Москва ул. Охотный Ряд, д. 1, Россия. E-mail: Gromoglasovaes@duma.gov.ru

Для цитирования

Громогласова Е.С. (2023). Об исторической взаимосвязи парламентской и гуманитарной дипломатии. *Управление и политика*, 2(4), С. 8–23. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-8-23

Два подхода к определению парламентской дипломатии

В России интерес к парламентской дипломатии высокий, как со стороны самих парламентариев², так и кадровых дипломатов. При этом она часто определяется как относительно новый феномен. Рост значимости законодательных органов государств в повседневных межгосударственных отношениях (Межпарламентские институты в мировой политике, 2020) и появление самого термина «парламентская дипломатия» датируется второй половиной XX века (Варлен, 2019). Возможно, именно высокий интерес к парламентской дипломатии со стороны практиков способствует занижению возраста этого феномена мировой политики в научных публикациях. Между тем, даже поверхностное знакомство с историей международных парламентских организаций опровергает датировку возникновения парламентской дипломатии второй половиной XX века. Межпарламентский союз, например, был основан в 1889 г. и существует по сей день. Этой институциональной форме современного межпарламентского сотрудничества уже более ста лет.

Если же включать в понятийные рамки парламентской дипломатии феномен влияния парламентариев как выборных представителей народа на внешнюю политику своих стран, то обнаружится, что парламентская дипломатия еще древнее. Стоит отметить, что такой подход характерен для самих парламентариев. Например, Раби Рэй, спикер Лок Сабха, нижней палаты парламента Индии, в 1989-1991 гг., подчеркивал,

² Косачев К. Межпарламентский союз и Россия: история сквозь века. Портал Российского совета по международным делам. 01.10.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/comments/mezhparlamentskiy-soyuz-i-rossiya-istoriya-skvoz-veka> (дата обращения: 08.11.2023).

что «парламентская дипломатия может означать либо исполнение парламентариями роли дипломатов, либо активное вмешательство парламентов в формулирование внешней политики» (Ray, 1991).

Пример британских парламентариев в этом отношении наиболее показателен. Их влияние на внешнеполитический процесс в своей стране насчитывает не одну сотню лет. Даже сам термин «дипломатия» в его современном значении впервые употребил один из ярких представителей плеяды британских парламентариев, внесших вклад в теорию и практику внешней политики своей страны, Эдмунд Берк,

Э. Берк был членом британского парламента в 1765-1794 гг. и уделял первостепенное внимание вопросам отношений Британской империи с американскими колониями, управлению Британской Индией, проблематике Французской революции. Он добился в 1785 г. отстранения от управления Ост-Индской компанией У. Гастингса, первого генерал-губернатора Бенгалии из-за жестокостей, чинимых тем в отношении местного населения. Процесс импичмента У. Гастингса, занявший семь лет с 1788 по 1795 гг. и возглавляемый Э. Берком, был полностью открытым для публики и привлекал зрителей со всей Европы. Пример Э. Берка как влиятельного парламентария, сточки зрения внешней политики Британской империи не ограничивается только вопросами парламентского контроля. Его труды как теоретика и родоначальника британского консерватизма оказали весьма заметное влияние на последующие поколения британских политиков. Кроме того, до сегодняшнего дня продолжают публиковаться работы, в которых исследуется вклад Э. Берка в теорию международных отношений (Vincent, 1984) и парламентской дипломатии (Ананьев, Пареньков, 2018).

Если Э. Берк влиял на внешнюю политику Британии благодаря своим речам, трактатам и парламентскому контролю, то для такого знаменитого дипломата прошлого, как Шарль Морис де Талейран, младшего современника Э. Берка, опыт работы в Генеральных штатах и Учредительном собрании 1789 г., где он возглавлял Дипломатический комитет, стал трамплином в большую европейскую политику.

Перечень имен, в биографиях которых можно найти парламентские и дипломатические периоды, очевидно взаимосвязанные с точки зрения накопления аппаратного опыта, наращивания межличностных связей, оттачивания мастерства аргументации, то есть навыков, необходимых в профессиональной деятельности и парламентариев, и дипломатов, можно продолжать. Практически все крупные фигуры международной политики прошлого имели за плечами опыт парламентской деятельности.

Тем не менее, сам факт сложности внешнеполитического процесса, в который так или иначе вовлечены представительные и законодательные органы, в настоящее время едва ли рассматривают через призму понятия «парламентская дипломатия». Отмеченная сложность и лежит в ее основе.

Современные исследователи, анализирующие парламентскую дипломатию, как правило, понимают под ней формализованные контакты представителей национальной легислатуры со своими зарубежными коллегами (Жук, 2017). Иными словами, общераспространенным в настоящее время является определение парламентской дипломатии по признаку ее основных агентов. С этой точки зрения парламентская дипломатия – это дипломатия, осуществляемая парламентариями. Однако такой подход может быть дополнен за счет определения парламентской дипломатии как специфической формы международного сотрудничества, заимствующей основные организационные приемы и методы у национальных легислатур.

Подобный взгляд может быть подкреплён историческими исследованиями, в частности научными трудами, рассматривающими участие национальных делегаций в работе Ассамблеи Лиги Наций (Götz, 2005). Так, в одном из первых докладов по итогам заседания этой структуры утверждалось, что «Ассамблея сформировала себя как парламентский орган с четко определенными правилами и методами работы»³. Исследователи, анализировавшие сходство работы первой универсальной международной организации с деятельностью национальных

³ Sweetser A. (1920). The First Assembly of the League of Nations. A manuscript report on the first assembly of the League of Nations. 30 December. URL: <http://presidentwilson.org/items/show/22337> (дата обращения: 08.11.2023)

законодательных и представительных органов власти отмечали такие объединяющие эти учреждения элементы, как формирование коалиций вокруг того или иного вопроса, а также блоковое голосование. В отношении Лиги Наций данные особенности даже преподносились как «эмбриональная стадия» международной партийной системы (Götz, 2005). С акцентом на организационные особенности появилось определение парламентской дипломатии в качестве специфической формы многосторонних переговоров, характеризующихся высокой степенью институционализации, правилами процедуры, публичными дебатами и голосованием по проектам резолюций (Rusk, 1955).

Фундаментальный характер влияния парламентских методов на дипломатию XX века неоспорим. В работах, объясняющих этот феномен, делается упор на произошедшую в результате Первой мировой войны делегитимацию традиционных методов управления иностранными делами как основную причину переноса парламентских методов в дипломатическую сферу (Rusk, 1955).

В то же время необходимо отметить, что оба измерения парламентской дипломатии, как акторное, так и организационное, являются исторически тесно взаимосвязанными. В работе Ассамблеи Лиги Наций, например, в составе национальных делегаций участвовали парламентарии, такие как Карл Йоаким Хамбро, который был спикером норвежского Стортинга в 1926-1945 гг.

С учетом тесной взаимосвязи двух измерений парламентской дипломатии исследователями были предложены дефиниции, не упускавшие из виду и акторный, и организационный аспекты этой формы дипломатического взаимодействия. Например, В. Риттбергер определил парламентскую дипломатию как «дипломатию конференций, осуществляемую делегатами национальных парламентов в международных парламентских или квазипарламентских ассамблеях» (Rittberger, 1983). Настоящая статья также опирается на комплексное понимание парламентской дипломатии, учитывающее ее акторное и организационное измерения.

Если же касаться гуманитарных аспектов парламентской дипломатии и анализировать те случаи, когда акторами международной гуманитарной политики становились парламентарии, то стоит отметить, что подобные вариации совмещения ролей дипломатов, парламентариев и деятелей гуманитарной сферы не являлись редкостью для дипломатической истории.

Напротив, анализ зарождения современных форм парламентской и гуманитарной дипломатии позволяет говорить о том, что их возникновение и распространение было результатом действия одних и тех же факторов. Частое сходство тематических повесток межпарламентского и международного гуманитарного сотрудничества отнюдь не является случайным.

Особенности и истоки гуманитарной дипломатии

Термин «гуманитарная дипломатия» активно используется Международным Комитетом Красного Креста (МККК). Исследователи, анализирующие деятельность МККК, предлагают следующую дефиницию этого понятия. В узком смысле гуманитарная дипломатия может быть определена в качестве «стратегии воздействия на стороны вооруженных конфликтов и других акторов, включая государства, негосударственные субъекты и представителей гражданского общества» (Harroff-Tavel, 2005). Цели этого воздействия являются сугубо гуманитарными, само же оно реализуется «посредством сети устойчивых отношений: двусторонних и многосторонних, официальных и неформальных» (Harroff-Tavel, 2005). В другой публикации о гуманитарной дипломатии она определена как «убеждение лиц, принимающих решения, и лидеров общественного мнения всегда действовать в интересах уязвимых слоев населения и при полном уважении фундаментальных гуманитарных принципов» (De Lauri, 2018).

Если исходить из того, что прототипом многих современных форм гуманитарной дипломатии является Международный комитет Красного Креста и его деятельность, то нельзя не заметить, что гуманитарные цели этой организации роднят ее с Межпарламентским союзом.

Так, А. Дюнан, потрясенный страданиями раненых, не только смог вместе с единомышленниками учредить МККК в 1863 г., но и добился принятия первой Женевской конвенции 1864 г. В свою очередь, основатели Межпарламентского союза Ф. Пасси и У.Р. Криммер были движимы стремлением к установлению прочного мира между нациями. Руководствуясь этой целью, они активно отстаивали интенсификацию межпарламентского сотрудничества и идею учреждения международного арбитража для разрешения всех споров между государствами.

Различие между А. Дюнаном и его единомышленниками, с одной стороны, и Ф. Пасси и У.Р. Криммером, с другой, состояло в том, что учредители МККК мыслили как реалисты, в то время как создатели Межпарламентского союза могут быть отнесены скорее к идеалистам. Впрочем, для достижения идеала мира между нациями они предлагали вполне реалистичные шаги, такие как международный арбитраж. Идея международного арбитража получила весьма заметное развитие в XX веке в виде учреждения различных международных судебных инстанций.

Вклад А. Дюнана, Ф. Пасси и У.Р. Криммера в гуманизацию международных отношений был отмечен современниками. А. Дюнан и Ф. Пасси стали первыми лауреатами Нобелевской премии мира в 1901 г. «за вклад в мирное сотрудничество народов» и «за многолетние миротворческие усилия». В 1903 г. Нобелевскую премию мира получил также У.Р. Криммер за свои усилия «по достижению мира путем арбитража».

Таким образом, общая гуманистическая направленность деятельности и первых акторов гуманитарной дипломатии, и отцов-основателей Межпарламентского союза была очевидна и высоко ценима их современниками.

Общность целеполагания, характерная для зарождавшихся гуманитарной и парламентской дипломатии, может быть объяснена с учетом роли структурных факторов в международных отношениях. Рост влияния общественного мнения на внешнеполитический процесс, связанный с развитием средств массовой информации на протяжении всего XIX в., отмечается в исследованиях по истории международных отношений (Neuman, 1996). Именно оно объясняет появление общественных

инициатив, имевших международный резонанс и повлиявших как на развитие отношений между государствами, так и на их поведение. В этих транснациональных движениях пацифистской направленности значимую роль играли парламентарии.

Наконец, для первоначальных форм гуманитарной и парламентской дипломатии характерна и организационная схожесть. И та, и другая формы развивались посредством многосторонних конференций, открытых для общественности, с участием делегатов из разных стран.

Российская парламентская и гуманитарная дипломатия в начале XX в.

Россия не осталась в стороне от развития парламентских и гуманитарных форм дипломатического сотрудничества в период конца XIX – начала XX века. При этом ее участие в этих форматах имело свою специфику. Если говорить о парламентской дипломатии как дипломатии, осуществляемой парламентариями, то она стала развиваться в России с момента созыва первой Государственной Думы Российской Империи (Тихонов, 2018). Ее представители приняли участие в IV конгрессе Межпарламентского союза, состоявшемся в Лондоне в июне 1906 г. В свою очередь, депутаты Государственной Думы II созыва проявили себя в сфере парламентского контроля над внешней политикой и оказались весьма требовательны к проекту сметы расходов министерства иностранных дел Российской Империи (Кустов, 2013). Таким образом, кратковременный период работы Государственной Думы I и II созывов не помешал депутатскому корпусу внимательно отнестись к вопросам внешней политики Российской Империи» (Кустов, 2013). Эта тенденция продолжилась в Государственной Думе Российской Империи III и IV созывов. Русская парламентская группа посещала Англию и Францию в 1909 г. (Косачев, 2017) (в период полномочий Государственной Думы III созыва). В качестве отдельных примеров парламентской дипломатии, проводившейся депутатами Государственной Думы IV созыва, можно назвать участие П.Н. Милюкова, руководителя кадетской фракции

и в последующем министра иностранных дел Временного правительства России, в работе Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912-1913 гг. (Тимофеев, 2017), а также визит русской парламентской делегации в страны Антанты (апрель – июнь 1916 г.) (Кустов, 2010).

Если же подходить к определению парламентской дипломатии через призму характерных для нее организационных особенностей, то нельзя не признать, что именно дипломатия партийных конференций, весьма близкая по своим чертам к парламентской, стала своего рода «колыбелью» советской внешнеполитической службы. Все дипломаты ленинской школы (Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, Л.Б. Красин, А.М. Коллонтай) имели за плечами богатый опыт участия в международном революционном движении, съездах РСДРП и международных социалистических конгрессах Второго интернационала.

Нарубеже XIX–XX веков российская дипломатия также играет заметную роль «в утверждении основ гуманизма в международных отношениях» (Lavrov, 1999). Россия была инициатором созыва Первой гаагской мирной конференции 1899 г. и Второй гаагской мирной конференции 1907 г. Делегаты 44-х государств собрались на Вторую гаагскую конференцию в июне 1907 г., практически одновременно с роспуском Государственной думы II созыва. В российской делегации, направленной в июне 1907 г. в Гаагу, не было парламентариев, только кадровые дипломаты. Среди полномочных делегатов — «руководитель делегации, действительный тайный советник, посол во Франции А.И. Нелидов; тайный советник, неперменный член Совета Министерства иностранных дел, член Постоянной палаты третейского суда Ф.Ф. Мартенс; действительный статский советник, камергер, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Нидерландах — Н.В. Чарыков» (Чернявский, 2017). Таким образом, одна из наиболее известных российских международных инициатив гуманитарного плана в начале XX в. была реализована без участия российских парламентариев.

Было бы ошибкой считать, что с момента установления советской власти произошел быстрый закат только зародившейся парламентской дипломатии России, хотя методы межпарламентского сотрудничества в тот период оказались более востребованы, чем демократические идеалы

и плюралистическая сущность парламентаризма. На смену классической парламентской дипломатии пришла партийная дипломатия Коминтерна. Среди ярких примеров дипломатов, работавших по межпартийной линии в первые годы после установления советской власти, можно назвать А.М. Коллонтай. К моменту Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. за ее плечами уже был богатый опыт участия в международном женском социалистическом рабочем движении.

В 1921-22 гг. А.М. Коллонтай – секретарь Международного женского секретариата Коминтерна. Она являлась одним из организаторов первой и второй Международных конференций коммунисток, прошедших в Москве 1920 и 1921 гг. Собственно гуманитарный аспект этой деятельности проявился в том, что, как пишет сама А.М. Коллонтай, «Международный женский секретариат Коминтерна являлся не только органом пропаганды, но и действия». Так, «помощь голодающему трудовому населению Советской России вызвала организацию живого сбора пожертвований со стороны германских, шведских, чехословацких, болгарских и других коммунисток» (Коллонтай, 1972).

В то же время, «советская система управления предполагала принципиальную неразделенность партийной и советской власти во всех ее ипостасях – законодательной, исполнительной и судебной», а «концепция представительного института, заложенная в советской модели, существенно отличалась от классических парламентских идей» (Пашковский, 2018). По этой причине «внешнеполитические, как и все другие, функции парламента были в СССР фикцией, элементом ритуала государства-партии» (Салмин, 2001). Влияние Верховного Совета СССР как высшего законодательного и представительного органа на внешнюю политику государства «не имело определяющего значения» (Пашковский, 2018).

Любой экскурс в историю представляет интерес в свете актуальных задач сегодняшнего дня. С этой точки зрения, говоря об истоках российской парламентской и гуманитарной дипломатии, нельзя обойти молчанием деятельность священномученика Иоанна (Поммера), архиепископа Рижского и Латвийского, предстоятеля Латвийской православной церкви в 1921-1934 гг., прославленного в лике святых Русской православной

церковью в 2001 г. Архиепископ Иоанн Рижский был депутатом Латвийского сейма в 1926-1931 гг. и много сделал в качестве парламентария для сохранения Русского мира, защиты интересов Православной церкви и прав русскоязычного населения Латвии, в особенности права получать образование на родном языке (Келер, 1999). Его дипломатическая деятельность привлекает все большее внимание как исследователей (Аристова, Митрополит Пензенский и Нижнеомовский Серафим (Домнин), 2021), так и российских парламентариев, оценивающих его труды по примирению различных групп в тяжелые годы начала XX века как нравственный ориентир и образец для всех людей, независимо от вероисповедания.

* * *

Таким образом, тематическая близость, характерная для современного межпарламентского и международного гуманитарного сотрудничества объясняется общностью факторов, обусловивших возникновение первых институциональных прототипов современной парламентской и гуманитарной дипломатии во второй половине – последней трети XIX столетия. Таким образом их связывают не только тематическая близость, но и историческое родство.

Также стоит отметить, что динамика развития парламентской дипломатии в мировом политическом процессе является более сложной и отличается от широко распространенной версии, согласно которой такие факторы, как глобализация и информационная революция повлекли за собой расширение границ внешней политики, а затем рекрутинг в дипломатические ряды новых агентов, в том числе и парламентариев.

Действительно, парламентская дипломатия как феномен мировой политики свидетельствует о тесной взаимосвязи и взаимном влиянии внутренне- и внешнеполитической сфер. В то же время, в этом влиянии наблюдаются различные периоды. Так, дипломатическая история зафиксировала период, когда рост значимости представительных и законодательных органов власти в европейских буржуазных демократиях второй половины XIX в. привел к своеобразному «переливу» (spillover) парламентских методов и подходов в дипломатическую сферу.

Если же изучать сферу идеологии и ее воздействия на внешнюю политику, а также институт парламентского контроля, то неизбежным будет вывод о еще более ранних примерах влияния парламентариев на внешнеполитический процесс в своих странах.

Наконец, к проблематике парламентской дипломатии можно подходить через призму изучения биографий как выдающихся парламентариев, так и дипломатов. Во многих биографиях обнаружится профессиональный «переток»: из парламентариев на дипломатическую службу и наоборот.

Все указанные аспекты парламентской дипломатии связаны с особенностями реализации принципа государственного суверенитета в той или иной стране, в тот или иной исторический период. Идея народного суверенитета, осуществленная в том числе посредством наделения представительных и законодательных органов власти более широкими полномочиями, преобразовала сферу внешней политики. Она сделала ее более открытой для парламентариев и с точки зрения осуществления ими представительских функций за рубежом, и с точки зрения парламентского контроля над внешней политикой своих государств.

Гуманитарное целеполагание является весьма характерным для парламентской дипломатии. В то же время такие особенности парламентской дипломатии, как публичные дискуссии, открытое голосование по проектам общих резолюций, отличают ее от методов собственно гуманитарной дипломатии. Для гуманитарной дипломатии, особенно в зонах вооруженных конфликтов, характерны непубличные переговоры и весьма конкретное целеполагание (например, обеспечение гуманитарного доступа, предоставление гуманитарного коридора, обмен военнопленными, освобождение заложников, передача тел погибших военнослужащих и т. п.). Между тем, по более общим вопросам, таким как гуманитарные вызовы современного мирового развития, наблюдается общность интересов и координация усилий основных акторов парламентской и гуманитарной дипломатии.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

On Historical Relationship between Parliamentary and Humanitarian Diplomacy

Elizaveta S. Gromoglasova, Candidate of Political Sciences,
Assistant to the State Duma Deputy, the Apparatus of the State Duma
of the Federal Assembly of the Russian Federation,
1, Okhotny Ryad Str., Moscow, 103265, Russia.
E-mail: Gromoglasovaes@duma.gov.ru

Abstract: The paper analyzes approaches to defining parliamentary and humanitarian venues of diplomatic cooperation. It is shown that institutionalized inter-parliamentary cooperation began to develop in the last quarter of the 19th century, while examples of the influence of parliamentarians on the foreign policy process in their nation-states can be traced back even earlier, at least since the time of the Great French Revolution. It has been revealed that the early forms of parliamentary influence on foreign policy were based on humanistic arguments and appealed to a sense of humanity. The humanistic orientation of the emerging parliamentary diplomacy in the last third of the 19th century is explained by focusing on factors such as the development of the media and the growing influence of public opinion on the domestic and foreign policies of European nation-states. The similarity of the initial organizational forms of parliamentary and humanitarian diplomacy illustrates the example of the International Committee of the Red Cross and the Inter-Parliamentary Union. Both types of diplomatic interaction emerged via multilateral conferences. The final section of the paper is devoted to an analysis of the origins of Russian parliamentary and humanitarian diplomacy. It is shown that Russia played an active role in the development of these forms of diplomatic interaction. The paper concludes by arguing that a thorough definition of parliamentary diplomacy is only possible when both the actor and organizational dimensions of parliamentary diplomacy are taken into account. It argues further that the more or less common paths of development of parliamentary and humanitarian diplomacy result in their thematic affinity. The third conclusion is that the parliamentary methods accepted by diplomatic agents profoundly affected the development of cooperation between nation-states during the 20th century.

Keywords: parliamentary diplomacy, humanitarian diplomacy, International Committee of the Red Cross, Inter-Parliamentary Union, Russia

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- De Lauri, A. (2018). Humanitarian Diplomacy: A New Research Agenda. *Chr. Michelsen Institute (CMI) Brief*, 4. Bergen. 4 p.
- Götz, N. (2005). On the Origins of 'Parliamentary Diplomacy': Scandinavian 'Bloc Politics' and Delegation Policy in the League of Nations. *Cooperation and Conflict*, 3, 263–279.

Harroff-Tavel, M. (2005). The Humanitarian Diplomacy of the International Committee of the Red Cross. *Relations Internationales*, 1, 73–89.

Lavrov, S. (1999). The Russian Approach: The Fight Against Genocide, War Crimes, and Crimes Against Humanity. *Fordham International Law Journal*, 2, 415–428.

Neuman, J. (1996). The Media's Impact on International Affairs, Then and Now. *SAIS Review*, 1, 109–123.

Ray, R. (1991). *Parliamentary Diplomacy*. New Delhi: Chand & Company.

Rittberger, V. (1983). Global Conference Diplomacy and International Policy-Making: The Case of UN-Sponsored World Conferences. *European Journal of Political Research*, 11, 167–182.

Rusk, D. (1995). Parliamentary Diplomacy-Debate vs. Negotiation'. *World Affairs Interpreter*, 26, 121–138.

Vincent, R.J. (1984). Edmund Burke and the Theory of International Relations. *Review of International Studies*, 3, 205–218.

Anan'yev, B.I.; Paren'kov, D.A. (2018). Parlament v vneshnikh konturakh gosudarstva: skrytyye i yavnyye vozmozhnosti [Parliament in the external contours of the state: hidden and obvious opportunities]. *Tetradi po konservatizmu*, 4, 316–321. (in Russian)

Aristova, K., Mitropolit Penzenskiy i Nizhnelomovskiy Serafim (Domnin). (2021). Dipomaticheskaya deyatel'nost' svyashchennomuchenika Ioanna (Pommera) po sokhraneniyu posledstviy Latviyskoy pravoslavnoy tserkvi v mezhhovoyennyy period [Diplomatic activities of the Hieromartyr John (Pommer) to preserve the consequences of the Latvian Orthodox Church in the interwar period]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 8, 104–121. (in Russian)

Chernyavskiy, S.I. (2017). Vtoraya Gaagskaya konferentsiya mira 1907 g.: vzglyad cherez 110 let [Second Hague Peace Conference 1907: A Look After 110 Years]. *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i ofisnykh pomeshcheniy*, 1, 23–40. (in Russian)

Keler, L. (1999). *Nikem ne slomlennyy. Zhizn' i muchitel'naya konchina arkhiepiskopa Rizhskogo Ioanna (Pommera)* [Not broken by anyone. The life and painful death of Archbishop of Riga John (Pommer)]. Moscow: Izdatel'stvo im. svyatitelya Ignatiya Stavropol'skogo. 64 s. (in Russian)

Kollontay, A.M. (1972). *Izbrannyye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow: Politizdat. 430 p. (in Russian)

Kosachev, K.I. (2017). Parlamentskaya diplomatiya v mnogopolyarnom mire [Parliamentary diplomacy in a multipolar world]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, 1(4), 26–31. (in Russian)

Kustov, V.A. (2010). Dumskaya diplomatiya: vizit russkoy parlamentskoy delegatsii v Antantu (aprel' – iyun' 1916 g.) [Duma diplomacy: visit of the Russian parliamentary delegation to the Entente (April - June 1916)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 4(3), pp. 129–133. (in Russian)

Kustov, V.A. (2013). Gosudarstvennaya Duma I-II sozyvov: vneshnepoliticheskiye aspekty parlamentskoy deyatel'nosti (aprel' 1906 – iyul' 1907 gg.) [State Duma of the 1st and 2nd convocations: foreign policy aspects of parliamentary activity (April 1906 - July 1907)]. *Vlast'*, 6, 165–169. (in Russian)

Mezhparlamentskiye instituty v mirovoy politike. (2020). [Interparliamentary institutions in world politics]. Ed. by I.L. Prokhorenko. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir". (in Russian)

Pashkovskiy, P.I. (2018). Rezhim sovetskoy predstavitel'skoy i zakonodatel'noy vlasti na gosudarstvennoy vneshney politike [The regime of Soviet representative and legislative power on state foreign policy.]. *Arkhot*, 1(4), 71–77. (in Russian)

Salmin, A.M. (2001). *Iznanka vneshney politiki. Rossiyskaya politika na rubezhe vekov (izbrannyye stat'i)* [The regime of Soviet representative and legislative power on state foreign policy]. K desyatiletiyu fonda «Rossiyskiy obshchestvenno-politicheskiy tsentr». Ed. by A.M. Salmin. Moscow: Letniy sad. P. 102–210. (in Russian)

Tikhonov, P.P. (2018). Diplomaticheskaya deyatel'nost' Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Imperii I sozyva. *Vstrechi v Tavricheskom 2017. Sbornik nauchnykh statey Molodezhnoy (studentcheskoy) nauchnoy konferentsii* [Meetings in Tavrichesky 2017. Collection of scientific articles of the Youth (student) scientific conference]. Ed. by O.A. Patrikeyeva, E.A. Tarasova. P. 25–27. (in Russian)

Timofeyev, A.Yu.; Zhivanovich, M. (2017). *Mozhno obsudit' доклад Karnegi o prichinakh i vedeni Balkanskikh voyn 1912-1913 gg. kak istoricheskiy istochnik?* [Can we discuss the Carnegie report on the causes and conduct of the Balkan Wars of 1912-1913. as a historical source?]. *Slavyanskiy al'manakh*, 1-2, 100–120. (in Russian)

Varlen, M.V. (2019). O razvivayushchemsya dvizhenii parlamentskoy diplomatii v mnogopolyarnom mire [On the developing movement of parliamentary diplomacy in a multipolar world]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 7 (152). (in Russian)

Zhuk, D.Yu. (2017). Parlamentskaya diplomatiya v deyatel'nosti mezhdunarodnykh organizatsiy [Parliamentary diplomacy in the activities of international organizations]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, 3(6), 21–30. (in Russian)

Литература на русском языке:

Ананьев Б.И., Пареньков Д.А. (2018). Парламент на внешних контурах государства: скрытые и явные возможности. *Тетради по консерватизму*. № 4. С. 316–321.

Аристова К., Митрополит Пензенский и Нижнеломовский Серафим (Домнин). (2021). Дипломатическая деятельность священномученика Иоанна (Поммера) по сохранению статуса Латвийской православной церкви в межвоенный период. *Международная жизнь*. № 8. С.104–121.

Варлен М.В. (2019). О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире. *Lex Russica (Русский закон)*. № 7 (152).

Жук Д.Ю. (2017). Парламентская дипломатия в деятельности международных организаций. *Диалог: политика, право, экономика*. № 3(6). С. 21–30.

Келер Л. (1999). *Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера)*. М.: Издательство им. святителя Игнатия Ставропольского. 64 с.

Коллонтай А.М. (1972). *Избранные статьи и речи*. М.: Политиздат. 430 с.

Косачев К.И. (2017). Парламентская дипломатия в многополярном мире. *Диалог: политика, право, экономика*. № 1(4). С. 26–31.

Кустов В.А. (2010). Думская дипломатия: визит русской парламентской делегации в страны Антанты (апрель – июнь 1916). *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. № 4(3). С.129–133.

Кустов В.А. (2013). Государственная Дума I II созывов: внешнеполитические аспекты парламентской деятельности (апрель 1906 – июль 1907 гг.). *Власть*. № 6. С.165–169.

Межпарламентские институты в мировой политике. (2020). Под ред. И.Л. Прохоренко. М.: Издательство "Весь Мир".

Пашковский П.И. (2018). Влияние советской представительной и законодательной власти на государственную внешнюю политику. *Архонт*. № 1(4). С. 71–77.

Салмин А.М. (2001). Изнанка внешней политики. *Российская полития на рубеже веков (избранные статьи)*. К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр». Глав. ред., председ. совета А.М. Салмин. М.: Летний сад. С.102–210.

Тимофеев А.Ю., Живанович М. (2017). Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912-1913 гг. как исторический источник? *Славянский альманах*, № 1-2. С.100–120.

Тихонов П.П. (2018). Дипломатическая деятельность Государственной Думы Российской Империи I созыва. *Встречи в Таврическом 2017*. Сборник научных статей Молодежной (студенческой) научной конференции. Под ред. О.А. Патрикеевой, Е.А. Тарасовой. 2018. С. 25–27.

Чернявский С.И. (2017). Вторая Гаагская конференция мира 1907 г.: взгляд через 110 лет. *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. № 1. С. 23–40.